

Читайте остросюжетные романы
Елены Дорош
в серии «Вечерний детектив»:

Брошь с черным опалом
Портрет девочки в шляпе
Королевская лилия
Крест Шарлотты
Антикварная история
Пруд с золотыми рыбками
Слеза Евы
Забытый аромат
Семейная реликвия
Красное солнце валькирии
Французское наследство
Нить наяды
Царский подарок
Кипарисовый крест
Завеса зла
Рапсодия Богемской

Цикл «Сыщик Анна Чебнева»

Кукла Коломбины
Гребень Матильды
Танец Иды
Тетрадь князя Путятина

Е Л Е Н А
Д О Р О Ш

ЦАРСКИЙ
ПОДАРОК

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д69

Редактор серии *А. Антонова*

Оформление серии *О. Фатиховой*

Дорош, Елена.

Д69 Царский подарок / Елена Дорош. — Москва : Эксмо, 2026. — 320 с.

ISBN 978-5-04-243915-5

Александра Смолина руководит автосервисом и привыкла решать любые проблемы самостоятельно.

Когда в квартире убитого соседа она находит старую псалтирь, не может удержаться, чтобы не попробовать решить загадку — какую тайну скрывает потрепанная книга и от кого старик ее прятал. Поиски ответов заводят Сашу в те далекие времена, когда костромские дворяне решили преподнести императору Павлу Первому подарок — рукописную книгу в роскошном золотом переплете, украшенном драгоценными камнями.

Единственный родственник умершего берется помочь Саше в расследовании, и постепенно они увлекаются не только тайной царского подарка, но и друг другом.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Дорош, Е., 2026
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-243915-5

*Посвящается городу,
давшему мне так много*

НЕСЛУЧИВШИЙСЯ ПОДАРОК

Афанасий Федорович вбежал в приемные покои губернатора, задыхаясь. Секретарь тотчас вскочил и выпучил глаза.

— Господин коллежский ассессор!

Болван! Так и не научился делать в присутствии начальства приличествующий вид!

Понимая, что выглядит странно и несолидно, Афанасий Федорович злился и искал, на ком сорваться.

— Николай Иванович у себя? — спросил он, пытаясь выровнять дыхание.

— У себя-с.

— Так доложи, дубина стоеросовая! — гаркнул Тухачевский.

Секретаря как ветром сдуло.

Через мгновение из кабинета выбежал Кочетов и, взглянув на предводителя дворянства, выпучил глаза точь-в-точь как секретарь Пузырев.

— Господи, Афанасий Федорович! — всплеснул он руками.

Не дав губернатору засыпать его вопросами, Тухачевский схватил Кочетова за рукав и почти затолкал обратно в кабинет.

— Да что случилось-то, господин Тухачевский? — попытался сопротивляться губернатор.

— Тише, умоляю, — прошептал Афанасий Федорович, запирая за собой дверь кабинета.

Прислушавшись, не припал ли секретарь к замочной скважине, он повернулся к губернатору.

— Посольство уже выехало?

— С ночи в пути, — недоумевающим тоном отозвался Николай Иванович.

— Надобно вернуть. Посылайте нарочного.

— Да что произошло в конце концов? — прошипел губернатор, белея лицом.

— Вчера ночью император Павел Петрович представились.

С минуту губернатор оторопело смотрел на предводителя.

— Нельзя мешкать, Николай Иванович, — взял его за плечо Тухачевский. — Ежели мы сейчас со своим подарком...

— Да как же? Да с какой стати ему умирать понадобилось?

Тухачевский притянул к себе Кочетова и прошептал в самое ухо:

— Не своей смертью будто бы. Заговорщики.

Николай Иванович на мгновение закрыл глаза. Ужас какой! Даже представить такое страшно! Но Тухачевскому можно верить на слово! Кто-кто, а Афанасий такие новости завсегда первым узнает. Тем и полезен.

— Пресвятая Богородица, спаси и помилуй мя!

Дрожащей рукой Николай Иванович перекрестился и, взяв себя в руки, решительно шагнул к двери.

— Тотчас капитана Власова ко мне!

Тухачевский отошел к окну и стал смотреть, как по утопанному грязному снегу как раз напротив губернаторской канцелярии народ спешит на другой берег Волги. Пока вглядывался, посыпал мокрый снег, и картина сразу будто пеленой подернулась. Даже ближнего высокого берега не стало видно в мутном мареве мартовского утра.

Да, паршиво начинается тысяча восемьсот первый. Зима была мерзкой, а теперь кажется, что и весна будет не краше. Кто знает, что их ждет впереди. Эх, Кострома-Костромушка, сколько бед тебе еще пережить доведется.

— Костовстреха, одним словом, — прошептал предводитель дворянства и тяжело вздохнул.

Возок несся по московскому тракту почти без остановок. Хоть и скакала рядом вооруженная охрана, а все ж таки береженого, как известно, бог бережет. Шутка ли! Подарок самому императору везут! Поэтому, несмотря на отвратность мартовских дорог, скакали что есть мочи и останавливались лишь на короткое время: по малой нужде сходить.

Лошадей собирались менять уже под Переславлем, а пока нахлестывали этих, гнедых да быстрых.

Неожиданно послышались крики, в окошко возка постучали.

— Ваше сиятельство!

— Что еще? — крикнул через стекло Петр Петрович.

И зыркнул глазом. Чего, мол, балуешь!

— Гонится за нами кто-то! — крикнул начальник конвоя и указал назад.

Приоткрыв дверцу, Петр Петрович высунулся и всмотрелся в серую снежную муть позади.

— Что? — дернул его за рукав шубы митрополит.

— Не разберу.

— Приказания какие будут, ваше сиятельство?

— Да погоди ты! — прищурился Петр Петрович, славившийся острым зрением. — Это вестовой вроде или нарочный! Гляди: лошадь казенная и форма... вроде как из губернаторской охраны... подождать надобно, вдруг важное что передать забыли.

— Всем глядеть! — заорал подпоручик.

Петр Петрович откинулся в глубь возка и перекрестился.

— Да чего там? — снова сунулся отец Иоанн.

— Нарочного губернатор за нами послал. Догонит, узнаем, что за нужда такая приключилась.

Доскакав, всадник спрыгнул с коня и рванулся к губернаторскому возку.

— Стой! Куды? — преградила путь стража.

— Срочная депеша! — задыхаясь, крикнул тот.

— Пустите, — махнул рукой Петр Петрович, приоткрывая дверцу.

В возок тотчас залетел злой ветер и стал перебирать мех на шубе. Даже ушастый парик, и тот шевельнулся на голове.

Нарочный подошел, расстегивая сумку.

— Господин губернатор велели догнать и срочно передать.

— Стой тут, — все еще не понимая, с какой стати Кочетову потребовалось посылать депешу, приказал Петр Петрович и, закрыв дверь, сорвал губернаторскую печать.

Митрополит пересел на его сторону и приник головой.

— Что за оказия?

Шевеля губами, оба прочли записку и посмотрели друг на друга.

— Господь Всемогущий, — прошептал митрополит затвердевшими губами.

У Петра Петровича губы, напротив, вдруг мелко затряслись.

— Это что же получается? Это, батюшка ты мой...

— Бережет нас Господь, — прошептал митрополит и прижал губами к наперсному кресту. — Вовремя до Николая Ивановича весть дошла.

— Как пить дать, — перекрестился следом Петр Петрович. — Впросак попали бы с этим подарком, ежели явились бы...

— И не говорите. Особливо учитывая обстоятельства.

— Апоплексический удар, сказано.

— Оно конечно. Апоплексический, знамо дело. Только...

— Тише, отец Иоанн.

— Да чего тише? Не приведи Господь, конечно, но нас могли и в тюрьму с нашим подарком...

— Тьфу! Тьфу! Тьфу! Что вы такое говорите, батюшка?

— Мне тамошние порядки известны. Немало поездил с епископом. Навидался. Надобно назад ворочаться.

Петр Петрович хотел было отдать приказ и вдруг подумал: а точно ли все так, как доложили губернатору. Может, враки?

— Погоди, отец Иоанн. Ты посиди маленько, а я ноги разомну.

Яшка, ехавший рядом с кучером, почувствовав через овчину тулупа тычок палкой в крышу возка, соскочил и, расторопно расчистив от грязи и налипшего снега ступеньку, помог сойти.

Петр Петрович разогнулся, потирая поясницу, и взглянул в небо. Темное, густое, того и гляди то ли снег повалит, то ли ливень начнется.

Ох, не любил он март! За мрачность, за то, что никогда не знаешь, чего от погоды ждать. То солнышко пригреет, то мороз ломанется, и именно тогда, когда надумаешь шубу в сундук прятать. Вот и сегодняшние вести совершенно в том же духе. То ли горевать по усопшему, то ли радоваться. С одной стороны, от Павла Петровича одна ерунда, прости Господи, по всей России-матушке который год идет. Устали уже от императорских выкрутасов. А с другой — уж больно неожиданно все. Ежели не поверит народ, что своей смертью царь помер, может и бунт случиться. Да похуже Пугачевского!

В Петербурге посольство от Костромской губернии ждали. Не только свои — епископ Евгений, выехавший в столицу задолго, и представители родовитых костромских семейств. На встречу с государем обещались прибыть верхушка Московского патриархата и министры, среди коих были те, встречи с которыми Кочетов добивался едва ли не дольше, чем возможности вручить подарок императору Павлу.

Если сегодняшняя весть окажется зряшной, каково будет всем им?

Другой раз и на порог не пустят.

А если все так, как сказано в записке, написанной торопливо и с ошибками, то...

То лучше пересидеть лихие времена дома. За печкой. Авось пронесет.

Петр Петрович походил туда-сюда еще малость и залез в теплое нутро возка.

— А с подарком что делать? — пригорюнился митрополит, когда тронулись в обратный путь.

— Да кому он теперь нужен! — бросил в сердцах Петр Петрович и, тут же спохватившись, добавил: — Однако беречь его следует как положено. Вещь, сам понимаешь, весьма ценная.

Оба посмотрели на обитый черной буйволово́й кожей сундучок под лавкой.

— И куда теперь эту бесценную девать, — пробормотал митрополит, пряча себя в теплой волчьей шубе.

— Ужо решим, как вернемся, — ответил Петр Петрович, ежась от налетевшего и проникшего в щели возка мартовского ветра.

Ему было обидно, что сорвался такой удобный случай показать себя. Быть представленным императору Павлу Первому — давнейшая потаенная мечта. Не всякому чиновнику для особых поручений такое даже во сне снилось, а у него прямая возможность была.

Была, да сплыла. Не случился подарок.

— Поспедай! — крикнул возница, стегая выносную. Лошади побежали ходко, дружно натягивая уносы. Им тоже хотелось побыстрее попасть домой.

НОРКА ДЛЯ ДВОИХ

Давненько Палычу не попадалось место, столь подходящее для жизненного пристанища в любое время года. Надыбал он его случайно. В позапрошлом году долго не мог приткнуться на зимовку так, чтобы и тепло, и безопасно, и сытно. Летом с этим делом проблем не было. Как говорится, под каждым кустом уж готов и стол, и дом. А вот зимние стойбища в городе подыскивались тяжело. Собратья обычно в это время подаются на закрытые дачи. Выбирают участки попроще, чтобы не словить проблемку с полицией, и вперед! В дороге дома и зимой частенько наведываются хозяева.

Неутомонные! Не сидится им в городе! Надо обязательно припереться на дачу! Шашлыки начнут жарить, дух такой, что взвоешь! Однажды возле такой дачи терся и не стерпел — отважился подобраться к жаровне, что стояла за домом, и схватить шампур с нанизанными на него вперемежку с кольцами лука смачными кусочками свинины. От воспоминаний о том пире до сих пор слюнки текут. Однако второй

раз такой номер не прокатит, это он понимал, поэтому загородные жилища всяких олигархов старался обходить десятой дорогой. Другое дело дачки честных тружеников. Они закрывались на всю зиму и потому пользовались среди бомжацкой братии особым спросом. Выбирали, конечно, с отоплением, желательно печным. Бывало, за крепкие и теплые дома драка шла. Порой и он проводил в таких холодное время, но чаще старался остаться на зимовку в Костроме. Ну не деревенский он житель, что поделаешь!

И вот два года назад прибился он к одной бабешке, тоже бомжихе со стажем. Та и показала ему чудное местечко на Лесной. Когда-то давно в здании на углу был мукомольный завод. Заводец, понятное дело, приказал долго жить, а крепкое здание осталось и было пущено под всякие, как говорила его Валюшка, «офисы». Рядом повыврастали жилые дома — один краше другого, — которые все строились, строились и никак не могли достроиться. Что-то не так с подземными водами, разузнала бойкая Валюшка. На что Палыч ей авторитетно отвечал: по-другому и быть не могло, ибо подо всей Костромой скрываются реки, когда-то загнанные властями под землю. Там, где теперь «Сковородка», текла полноводная Сула, по площади Конституции, местность вокруг которой много лет назад называлась Замостьем, — река Черная, а у Татарской слободы в нее впадала Субботка. И это еще что! На перекрестке Горной и Лесной и поныне стоит дом, у которого выходили наружу аж семь ключей. Весь город за водой ходил. Бочками возили!

— Батюшки святы! — ахала впечатлительная Валюшка, и Палычу это нравилось.

— Твои строители, видно, в школе плохо учились, а то бы знали, где можно строить, где нет, — со знанием дела говорил он подруге.

Другим несомненным преимуществом облюбованного места была близость Вознесенской церкви, когда-то претерпевшей немало бедствий от советской власти. Сперва отдали ее под общежитие портовых грузчиков, потом под склад и столовую для рабочих мельничного завода. Чтобы здание не напоминало храм, власти уничтожили пятиглавие и разрушили колокольню. А в пятидесятые все, что еще осталось, переделали в жилой дом.

Но это дела прошлые, а при новых порядках в церкви снова шли богослужения, а значит, им с Валюшкой можно было кормиться подажаниями.

О самом жилье и говорить нечего! Теплая норка со всеми удобствами и как раз для двух квартирантов!

Даже высокообразованный Палыч не мог сказать, откуда почти в центре города взялось подземное жилище с лазом, выходящим наружу в весьма неприглядном, надежно спрятанном от постороннего взора месте. Валюшка рассказывала, что, обнаружив подвал, долго приглядывалась и проверяла, не навевается ли в него кто-нибудь. Народу вокруг шастало немало. Одни строители чего стоили! Вечно искали тихое укрытие, чтобы косить от работы!

Однако уютный подвал, идеально подходивший для жилья, оказался ничейным, и Валюшка заняла его на законных основаниях.

Палыч долго не решался перейти в Валюшкины пенаты именно из-за обилия вокруг людей. Одно дело субтильная дама. Юркнула меж чепыжей, никто

и не заметил. Он — дело другое. Видному мужику пластаться ужом по земле неловко. Унизительно как-то для такого эстета!

Валюшка долго уговаривала, а ему и хотелось, и сомнения брали. До тех пор, пока лично не убедился, что о практически заваленном подземном жилище не известно, кроме них, ни одной живой души.

Но самое интересное Палыч открыл для себя позднее, начав обследовать новые апартаменты.

Это была не просто неизвестно кем и когда вырытая нора, а сохранившийся невесть с каких времен подземный ход, уходивший глубоко под землю и тянувшийся, как предполагал Палыч, на несколько километров. Понять, куда именно, было невозможно. Через несколько метров ход сужался, начинался второй, за которым угадывалось неведомое и пугающее. Набравшись храбрости, Палыч как-то попробовал дойти до конца одной ветки и обнаружил, что заканчивается она каменной кладкой.

В иные дни Палыч долго стоял возле завала и слышал, как ему показалось, шум далекой воды. А может, это только чудилось. Во всяком случае, никакого намека на присутствие в подземелье людей он не обнаружил.

Была ли пещерка началом или, наоборот, концом подземного пути, понять сложно, да и незачем. Главное, чтобы опасность не угрожала им с Валюшкой ни с какой стороны — ни спереди, ни сзади. Убедившись, что так и есть, Палыч успокоился.

Миновала их и другая беда — затопление. Вода под землей — дело опасное. Недаром застройщик новых домов мучился и все никак не мог решить проблему

грунтовых вод. Но те, что строили подземный подвал, видимо, дураками не родились и нашли путь в обход русла реки. Поэтому и стены норы были крепки.

Ну а третьим фактором, который Палыч счел важным, был вопрос о справлении малой и большой нужды. Выбираться для этого наружу каждый раз, когда припрет, означало в один прекрасный день спалиться и лишиться всего. Два взрослых человека и дерьма производили немало.

И тут уходящий глубоко проход снова сыграл положительную роль. Ушел подальше, сделал свое дело и присыпал чем придется. Зимой все вымерзнет, как будто и не было ничего.

Решив все насущные проблемы, Палыч с Валюшкой наконец устроили новоселье и постановили: сколько Бог даст, столько здесь и проживут.

Зиму и, почитай, уже два лета радовала их уютная норка. Все бы хорошо, но Валюшка по весне стала сильно кашлять и жаловаться на прострелы в спине. Терпела долго, но в мае стало его подруге совсем невмоготу, и Палыч отвез болезную в больницу. Иначе, боялся, отдаст баба концы прямо в норе, и что ему тогда делать?

Оставшись один, Палыч загрустил. Одно дело делить подземелье с живым человеком и совсем другое — сидеть слепым одиноким кротом. Несмотря на скитальческий образ жизни, пить один Палыч так и не научился. Всегда стремился к обществу соплеменников, коими он называл таких же, как сам, любителей вольного образа жизни.

Был у него один приятель, который умудрялся бродяжничать при живой жене и трехкомнатной квартире.

При этом он вовсе не от жены бегал. Просто любил бомжевать и видел в этом свое предназначение.

Вел он подобный образ жизни не год и не два, а целых пятнадцать лет. Пропустил даже смерть жены. Потом, правда, его все же разыскал сын и, чтобы батя наконец взялся за ум, уговорил уехать в Америку, где у сына были ранчо и куча денег. Это Палыч слышал от самого приятеля и радовался за него. На старости лет поживет человек в тепле и довольстве. В Америке, говорят, морозов, как у них в Костроме, не бывает, и полиция не то чтобы добрые, а просто нет им до тебя никакого дела. Живи как хочешь, делай что вздумается.

А года через три приятель вернулся и нашел Палыча. Оказалось, что выдержал он американской сытой жизни ровно год, а потом ушел из дома, прибившись к каким-то старым потрепанным хищни, с которыми стал кочевать по стране.

Сын этого допустить не мог и, после того как отца обнаружили в наркоманском притоне, привез обратно, на прощание сказав, что горбатого могила исправит.

На радостях, что его оставили в покое, приятель сколотил целую компашку из местных бомжей и принялся рассказывать им про американские нравы. На всю зиму рассказов хватило, и с той поры не было у Палыча лучше компании.

Разве что с Валюшкой, бабой, тонко чувствующей и понимающей.

Утром он ходил навещать ее и узнал, что лежать ей в горбольнице еще недели две, не меньше.

После этого известия Палыч, и без того державшийся из последних сил, загрустил окончательно, по-

этому в норе своей вечером сидеть не стал. Приготовил кое-какую снедь к добытой по пути из больницы бутылочке пивка и, как стемнело окончательно, вылез наружу. Звезды — тоже ему подружки. Не раз ночевал под ними и всегда дивился их красоте. И никакие они не равнодушные, как думают некоторые. Озорные и любят подмигивать.

Обустроившись на траве возле лаза, Палыч откупил пиво, сделал, как положено, три глотка и, закусив чипсами из супермаркета — спер из тележки у кассы, — сказал:

— Ну, будем здоровы, звездульки мои.

Звезды, как и ожидалось, весело подмигнули в ответ, и Палыч почувствовал, что огорчения, как ржавчина, потихоньку смываются с его души.

Он стал мечтать о возвращении Валюшки и о том, какой бы сюрприз приготовить для нее к этому дню.

Задумавшись, Палыч так увлекся, что не слышал ни шорохов за спиной, ни шагов.

И только увидев прямо перед собой двоих в черном, сначала оторопел от ужаса, а потом дернулся в попытке встать.

Попытка не удалась, и Палыч не понял, почему вместо того, чтобы подняться, остался сидеть на земле. Несколько мгновений он удивленно смотрел на торчащий из собственной груди нож и расплывающееся вокруг него бурое пятно.

Он еще успел подумать, что рубашка почти новая и носилась бы долго, особенно если не портить хорошую вещь стирками, а потом вдруг ему стало так больно, что стерпеть эту невыносимую боль Палыч не смог.